

Борис Жук

ИСПОВЕДЬ ДУРАКА

как я ушёл от «нормальной» жизни
и стал счастливым

Борис Жук

**Исповедь дурака. Как я
ушёл от «нормальной»
жизни и стал счастливым**

«Издательские решения»

Жук Б.

Исповедь дурака. Как я ушёл от «нормальной» жизни и стал счастливым / Б. Жук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855408-7

Перед Вами искренняя история о тридцати годах моих творческих, любовных и духовных поисков. Весёлая и местами суровая летопись взросления: увлечений и разочарований, преодоления страхов и комплексов, восстановления здоровья, самокопаний, путешествий, жизни в лесу, ухода от родителей, с работы, от нелюбимой женщины. Типичные проблемы, смелые решения, яркие чувства, заблуждения и реальные результаты, мистические откровения и удивительные повороты судьбы — это мой опыт, которым я хочу поделиться.

ISBN 978-5-44-855408-7

© Жук Б.

© Издательские решения

Содержание

Предисловия	6
О чём эта книга	6
О жанре роман-самоисследование	7
Об авторе	8
Минская история: нормальная жизнь	9
Детство	9
Семья	9
Воспитание	10
Младшие классы	12
Школа	12
Болезни и страшилки	14
Спасительные экраны	15
Дача	17
Творческие эксперименты	17
Памятные события и взросление	18
Средние и старшие классы	21
Ложь, халява и мудрость	21
Онанизм	22
Спрятать себя настоящего	23
Путь к цинизму	25
Компьютерная романтика	26
Танцы и костюм	28
Музыкальное бунтарство	29
Переломы и воспоминания	31
Подготовка и поступление	33
Студенчество	36
Лабы и вечеринки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Исповедь дурака Как я ушёл от «нормальной» жизни и стал счастливым

Борис Жук

Редактор Ольга Юрьевна Жук

© Борис Жук, 2017

ISBN 978-5-4485-5408-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловия

О чём эта книга

У этой книги странная судьба. Вначале я хотел написать её, чтобы на личном примере продемонстрировать вред индустрии компьютерных игр. Показать, что она, по сути своей, является конвейером по производству тяжёлых наркотиков. Но когда после опыта несчастной любви и ухода с работы я забил голову эзотерикой, пожил в лесу, влип в созависимые отношения с нелюбимой женщиной, а жизнь превратилась в невыносимо бессмысленный, неконтролируемый поток сюрреалистических приключений, стало очевидно, что дело совсем не в играх.

Книга стала способом разобраться в жизни вообще, инструментом самоанализа и медитации. С её помощью я попытался увидеть свой путь целиком и понять, как же я докатился до такой жизни. А главное – как всё исправить?

Сюжет развивался параллельно с реальными событиями: поиском себя и внутренней точки опоры на фоне калейдоскопа питерской тусовки. И этот поиск три года спустя увенчался успехом – столь удивительным, что весь пройденный путь стал похож на сказку со счастливым концом.

Мне удалось измениться и изменить свою жизнь к лучшему. Стать самим собой и обрести любовь. Это и есть тот опыт, которым я хочу поделиться с читателем.

Поднятые в книге темы разочарования в мечте, жизни на природе, восстановления здоровья, преодоления комплексов, выхода из болезненных отношений, общения с родителями, поиска настоящей любви и смысла жизни, обеспечения финансовой независимости и творческой самореализации актуальны для широкого круга читателей.

Все события и персонажи реальны, имена умышленно изменены. Описание событий отражает исключительно чувства и мысли автора в момент их переживания.

О жанре роман-самоисследование

Писательство, наряду с другими не относящимися к выживанию занятиями, является магическим действием. Во все времена хорошо написанное обрело качество исторических и научных документов, святых писаний, сбывающихся пророчеств.

Писателю в этом процессе обычно отводится роль инструмента – компилятора собственного жизненного опыта, либо проводника знания «свыше» (которое, впрочем, также пропускается через призму жизненного опыта в процессе трансформации в слова).

В любом случае – человек пишет из себя, и какие бы причудливые формы ни обрело повествование, оно всегда несёт на себе отпечаток индивидуальности автора.

Если же именно индивидуальность, сердцевина его собственного существа, является объектом интереса писателя (а в данном случае так и есть), адекватнее всего исследовать максимально сырой материал его жизненного опыта, очищенный от метафор. Чтобы разглядеть за хитросплетением событий и чередой состояний того, ради кого разыгрывается весь этот грандиозный спектакль жизни.

Что касается читателя – для него жизнеописание реального персонажа принципиально не отличается от повести о персонаже вымышленном. Искреннее и настоящее зацепит струны души в любом случае.

Об авторе

За тридцать лет мне довелось пройти сквозь перестроечное детство, тиранию матери, игровую зависимость, программирование, бизнес, психоделические трипы, экспериментальную музыку и прочие извращения, депрессию, несколько экзистенциальных кризисов, путешествия, йогу, любовные приключения и духовные поиски, череду крупных разочарований, каждое из которых ломало и перестраивало меня.

Кто я? Один из многих ныне живущих, осмелившихся разобраться в себе и своей жизни; задать вечные вопросы и найти ответы на них – не на словах, а на деле.

Это история о пути к ясности сквозь дебри самообмана; о том, как мальчик становится мужчиной, а онанист – творцом.

Эта книга – о смысле жизни.

Минская история: нормальная жизнь

Детство

Семья

Моя жизнь началась 22 сентября 1986 года с истошного крика, который, по описанию матери, не смолкал первые шесть месяцев.

Воспоминания о волшебной поре детства скудны и обрывочны, а некоторые из них наверняка дорисовало воображение по рассказам родителей. Помню запах табака от папы и его колючие усы, благодатный запах женщины от мамы, её очки и приятные на ощупь кудри волос. Помню, как папа носил меня на руках по всей квартире и показывал часы, все они тикали по-разному и зачаровывали своим звучанием. Помню игру солнца в листьях каштанов. Как младенческими ручками тянулся из коляски к женщинам – особенно привлекали их попы. Как неожиданно для себя впервые встал на ноги и пошёл, глядя на жёлтый колосс башенного крана. Как в комиксах из журнала «Весёлые Картинки» вписывал в каждый «пузырь» с репликами персонажей слово «БОБ». А ещё – яркое сияющее кольцо зеленоватого цвета, которое иногда возникало перед глазами по совершенно непонятной мне причине.

Чтобы понять, что заставило меня постепенно уйти от этой прекрасной реальности в мир иллюзий и грёз, стоит взглянуть на спальный район эпохи перестройки глазами ребёнка.

Бетонная девятиэтажка, двухкомнатная квартира на втором этаже с окнами на проспект – мы жили там вместе с родителями отца. Мама проявляла роль активистки и брала на себя львиную долю домашней работы, в то время как отец стремился к пассивности, – это часто приводило к бытовым неурядицам разного масштаба. Я каждый раз удивлялся, наблюдая за тем, как близкие мне добрые люди внезапно превращались в остервенело лающих друг на друга монстров.

Помню, как все дико разругались по поводу мокрого белья. Накал страстей в доме действовал на меня разрушительно. Абсурдность происходящего была очевидна для моего детского ума: отжать одежду гораздо проще и быстрее, чем бесконечно орать друг на друга. Не в силах терпеть идиотизм взрослых, весь в слезах, я пошёл в ванную комнату и, с трудом дотягиваясь до мокрых вещей (я был ниже ванны ростом), как мог, принялся их выкручивать. Мой подвиг заметила бабушка и окликнула остальных. Ссора немедленно прекратилась, меня успокоили, бельё отжали.

Психолог не советовал моим родителям вступать в брак. Отец утверждает, что они случайно познакомились с мамой в буфете, и он поспешил взять её в жёны, поскольку родители к двадцати пяти годам уже задолбали его призывами жениться.

Мать с детства привыкла быть самостоятельной, долгое время проработала специалистом по нормированию материала, а суровое время приучило её помогать людям. В общем, она умела выживать в условиях ограниченности ресурсов и имела крайне активную жизненную позицию. Это отразилось и в семейной жизни.

Я наблюдал, как мама помогает всем соседям с обувью (она работала на фабрике); как она носится по дому с бешеной скоростью, успевая делать кучу дел одновременно, как вместе с этим у неё накапливается раздражение, истощаются силы... А потом прорывался крик. Крик о помощи – стервозный, обвиняющий, приказывающий немедленно идти и помочь. Приходилось помогать: готовить, убирать квартиру, ходить в магазин. Давящее при этом фоновое раздражение мешало понять суть происходящего – я становился крайне «тупым» и мог лишь

выполнять простейшие прямые инструкции. А маму это раздражало ещё больше. В итоге я научился мастерски крошить лук, но так и не запомнил, что с ним делают дальше. Не говоря уже о каком-либо рецепте. А лучше всего у меня получалось мыть посуду. Мама говорила, что мечтала родить девочку-помощницу.

Отец наоборот был спокойным и пассивным в быту. Его каждодневный маршрут пролегал между диваном, работой, туалетом и кухней. Последняя служила местом для чтения книг и курения неизменной «Астры» без фильтра, пепел которой наполнял темечко закопчённой гипсовой пепельницы в форме человеческого черепа.

Я успел застать время в начале отношений, когда отец был более активен: что-то мастерил, изобретал, подшивал журналы. . . Но он болезненно переносил критику. Каждый раз, когда папа делал что-то по дому, а мама находила в сделанном недостатки, он говорил: «Ладно, тогда я больше этого делать не буду», – и действительно больше не брался за это уже никогда, игнорируя все просьбы. Такой алгоритм поведения постепенно сузил домашнюю жизнь отца до вышеописанного «маршрута». Он стал замкнут, ворчлив и безучастен. В том числе это касалось воспитания потомства. Но я всё равно бессознательно учился у папы тому, каким должен быть мужчина.

Воспитание

Мама долгое время казалась мне самой красивой женщиной – в ней мне нравилось абсолютно всё от фигуры до запаха, который оставался после неё в туалете. Я мечтал вырасти, чтобы стать такого же размера и спать с ней «как взрослые». И глубоко огорчился, когда однажды, лежа рядом на диване, потянулся к её груди, а она почему-то вдруг одёрнула меня. Но всё равно только с ней я чувствовал себя хорошо. То, что у неё много дел и ей надо идти на работу, воспринималось как предательство.

В детский сад я ходить отказывался. Ложился поперёк порога у двери, истерично вопил и упирался до последнего. Что именно так пугало меня – сказать сложно – эти воспоминания у напроочь заблокированы предохранительным механизмом моей памяти. Известно лишь, что в садике я выучил слово «пиздюк» и родители спешно пересмотрели концепцию воспитания.

В общем, воспитывала меня в основном бабушка. Вместе с дедушкой – вечным «строителем коммунизма». Говорят, когда-то он покориł сердце своей будущей супруги шуткой – когда та спросила, какая у деда фамилия, он ответил: «А ты сама угадай: три буквы, вторая – «у», – понятно, что первым пришло на ум простодушной девушке из деревни. Узнав, что фамилия кавалера – Жук, она долго смеялась.

Но это было когда-то давно, а в настоящем от деда веяло какой-то подавленной тоской, жёсткостью, и у него неприятно пахло из никогда не улыбающегося рта. Я всячески сторонился его. Помню только, как он рассказывал много раз одну и ту же скучную историю про войну; как пил с соседями по даче за картами, и его хриплую одышку, особенно незадолго до смерти. Про то, что здоровье он загубил, работая в литейном цеху ради благополучия потомков – двух квартир и дачи, я узнал уже потом.

С бабушкой было веселее и проще. Она вкусно готовила жирную деревенскую еду, балагурила и смеялась. Хотя и у неё случались приступы жёсткости, особенно когда дело касалось мужской работы по хозяйству, которую приходилось выполнять самой.

Вскоре у меня родился брат. Я настаивал на том, чтобы его называли Сашкой. Но отец пришёл домой и сказал: «Если назовём Ярославом – подарю тебе водяной пистолет». И я немедленно согласился.

Во дворе гулять было скучно и страшно. Кругом одинаковые серые дома, детские площадки с неинтересными железками, на которых предлагалось потратить физическую силу и убить время; странные, зачастую агрессивные дети. Меня периодически избивала задиристая

девчонка. Забавно, что даже в процессе драки меня не покидал исследовательский интерес. Я расспрашивал нападающую, как её зовут, не занималась ли она карате и прочее. А когда мы гуляли вместе с братом, нас регулярно выслеживали и били мальчик с девочкой, брат и сестра.

Поэтому я предпочитал сидеть дома, смотреть мультики, играть с конструктором, рано научился читать и очень много рисовал. А гуляли мы преимущественно в сопровождении взрослых. В основном с мамой, зачастую сопровождая её по хозяйственным делам. Реже, но и веселее всего, – с папой. Ему был свойственен гусарский задор и смекалка. Так однажды зимой он решил проблему дефицита санок просто: заломал для нас ёлку, и мы катались с горки на ней!

В условиях спального района и суровых девяностых я чувствовал острую необходимость научиться драться. И тренировался на брате. Каждый раз доводил его до слёз, а потом просыпалось сострадание, я пугался и принимался его утешать, либо оставлял в покое. Всё закончилось, когда он каким-то невидимым и бессловесным действием запретил мне на него нападать. Впоследствии я уже физически не мог этого делать, хотя мне долгое время казалось, будто мне перехотелось самому.

Говорят, мама с папой по молодости «соревновались» за право быть главой семьи – кто больше зарабатывает, тот и главнее. Отчасти именно это вынудило отца получить высшее образование.

Но в долгосрочной перспективе эту битву он всё равно проиграл. Мама доминировала в быту, самостоятельно принимала решения и всюду диктовала свои порядки. Поэтому в квартире у нас всегда было чисто, аккуратно, а в холодильнике еда на несколько дней вперёд. Нам с братом тоже не давали особо разгуляться, заставляя вовремя ложиться спать и каждый раз убирать за собой игрушки.

Я завидовал своим двоюродным братьям, которым моя энергичная тётя разрешала, как мне казалось, всё. Стены их комнаты были сплошь увешаны разноцветными наклейками, сигаретными пачками, рисунками и прочими плодами их творческой фантазии. Я был в восторге!

Принимая это во внимание, мать разрешила нам клеить наклейки на абажур настольной лампы. А когда в нашей комнате затеяли ремонт, мы даже удостоились чести порисовать на старых обоях. В остальное время моё творчество изливалось преимущественно на тыльную сторону ненужных чертежей, которые папа и мама приносили с работы.

Мне катастрофически не хватало самовыражения. Но и своё место в мире я понимал хорошо – дети слабы, за них всё решают родители. Свобода открывается только в Мире Взрослых. Там можно всё. Даже носить удобные и просторные «семейные» трусы, как у папы, вместо колготок. А путь в Мир Взрослых лежит через получение образования. Иначе никак.

Младшие классы

Школа

Благодаря преимущественно домашнему образу жизни в школу я пошёл подготовленным, уже отчасти умея читать, считать и даже различая английские буквы. Проверку на наличие музыкального слуха при поступлении я не прошёл. Это было очень обидно – я просто не понял, что от меня хотят: повторить ритмический рисунок хлопков или просто похлопать в ладоши. А напеть мелодию срывающимся от волнения голосом в присутствии мамы и странной тётки уж точно было нереально с первой попытки.

Во время первого звонка я заплакал. Сказалось волнение и предчувствие того, что впереди что-то незнакомое, коллективное, долгое, занудное и обязательное. И назад дороги нет. Помню, как стоявшая рядом девочка с какой-то сыпью на лице посмотрела на меня с удивлением. Я только пожал плечами в ответ: такой уж я человек, ничего не могу с собой поделать.

Сев за парту, я первым делом достал карандаши и, слюнявя их, раскрасил ногти разными цветами. Хоть какая-то радость. На меня немедленно «донесли» учительнице, и она отправила меня в туалет мыть руки. Снова стало обидно. Во-первых, я ведь только-только закончил своё «произведение», а во-вторых стало ясно, что самодеятельность здесь не любят.

Я не умел многого из того, что умели мои сверстники. Например, подтягиваться на турнике и играть в шашки. А ещё заправлять постель после тихого часа (первый класс был на базе детского сада, с группой продлённого дня), но с этим мне добровольно помогал самый сильный мальчишка в классе.

Однако самым страшным и позорным было то, что я писался во сне. Во время тихого часа я изо всех сил старался не спать, а считал про себя от одного до бесконечности. Иногда доходил до трёх тысяч. Дважды я всё-таки засыпал и делал своё мокрое дело. К счастью, воспитатели относились к этому с пониманием, спокойно меняли бельё и отправляли переодеваться.

Потом мать отвела меня к какому-то бородавотому православному (судя по атрибутике) целителю, который совершил ритуал: усадил меня на табурет в окружении икон и ходил кругами, что-то нащёптывая. После этого писаться я перестал. Хотя факт посещения целителя родители до сих пор отрицают.

Моя первая учительница была, что называется, строгой, но справедливой. Её манера преподавания мне нравилась, а я сразу стал её любимчиком.

Мама очень хотела, чтобы я был отличником. Да, что там «очень» – она люто, БЕШЕНО этого хотела. Мать *каждый вечер* лично контролировала безукоризненность выполнения домашней работы. В ход шли и крики, и подзатыльники, и затирание описок лезвием, и переписывание целых листов по несколько раз начисто... Ребёнок ДОЛЖЕН был быть идеальным.

Мне было страшно. Отвратительно и ужасающе непонятно, как крючки в тетрадке превращают самого близкого мне человека в монстра, который почти готов меня уничтожить. Это было колоссальным стрессом. Всё внутри бурлило, руки тряслись. Стоило только матери ослабить железную хватку хотя бы на минуту, как я, будто нарочно, начинал делать совершенно сюрреалистические ошибки: описки, лишние «крючки» у букв и прочее.

А однажды и вовсе вписал в сетку кроссворда подходящие по количеству букв слова «из головы», не обратив внимания на картинки со зверушками, названия которых там, как полагали авторы учебника, должны быть. Вместо «белка» оказалась «кишка»... Мать была в ярости, заставила заклеивать каждую клеточку кроссворда белым квадратиком и вписывать правильные слова.

Оказалось, чтобы попасть в Мир Взрослых надо научиться быть Хорошим, и я старался им быть. В то время как росла ненависть к матери, а желание, чтобы поскорее закончился урок, день, четверть, год, становилось основным. Скорее бы закончить школу, стать взрослым и обрести Свободу.

Дальнейшие школьные годы окутаны серой пеленой. Один день похож на другой. Это пасмурный день. Утром я нехотя просыпаюсь – валяться и потягиваться некогда. Не делаю зарядку, из-за чего ощущение приятной тянущей ломоты сопровождает меня почти весь день. Ем завтрак – там что-нибудь жареное. Запиваю чаем, заваренным несколько раз. Всё это под гомон радио, скороговоркой вливающего в уши новости про визиты политиков и намолоты с гектара. И традиционное: «Бе-е-елая ру-у-у-сь ты май-й-я-а-а!» За окном наблюдаю прохожих и проезжающие машины сквозь ветви деревьев.

Школа рядом – идти в неё можно через двор или по дороге. На дороге больше шанс встретить знакомых, и я выбираю как идти в зависимости от настроения. Чаше – через двор, там безлюднее.

В школе ловлю ворон на уроках. Как будто гляжу в окно на серое небо даже тогда, когда смотрю на доску. Из всех сил уклоняюсь от ответов и любой ответственности. На рисовании и английском мне нравится. Остальные предметы в разной степени вызывают стресс и внутреннее отторжение. На переменах бессмысленно сижу, брожу или с кем-то болтаю. Иногда – втягиваюсь в какие-то авантюры, типа успеть сбежать в магазин за чем-то. В подвижные игры не играю. Я здесь – инопланетянин.

Уроки окончены – иду домой. С чувством освобождения. И, если получена плохая отметка, то с комом в горле, придумывая объяснения и осознавая их бессмысленность перед лицом маминой строгости. Порой мечтаю, чтобы мама задержалась или куда-нибудь исчезла хотя бы на время. Или совсем.

Дорога домой кажется приятнее дороги в школу, портфель – легче. Дома разогреваю жирный суп. Ем, глядя в то же окно с ветками и машинами. Телевизор, магнитофон, магазин, игры, иногда хожу в гости к однокласснику...

К приходу родителей я уже прилежно делаю домашнее задание. Иногда растягиваю процесс, рисую что-нибудь на бумаге, которой застлан стол. Люблю рисовать.

После отправляюсь на кухню помогать маме. Чищу овощи, мелко крошу лук, мою посуду. По радио – поздравления юбиляров с просьбами «передать хорошую песню».

Посуда гремит на полках, когда соседи сверху лихо отплясывают, распевая пьяным хором народные песни под гармонь. Голова раскалывается. Ненавижу фольклор. Вечер – телевизор. Чистить зубы, писать, спать. Родители иногда смотрят телевизор допоздна – его звук за стеной мешает уснуть.

По выходным радио транслирует прямой эфир католического богослужения, хор голосов многократно напоминает о какой-то «великой вине». Смотрим долгожданные диснеевские мультики, идём на рынок за продуктами на неделю, убираем квартиру: ходим с братом выбирать ковры, протираем пыль с мебели и моем пол в своей комнате. Каждый раз возникает протест – долго, нудно, а ещё не так уж и грязно! Но надо.

На улице гуляем мало – не интересно. Водить нас куда-то ни у кого нет времени и энтузиазма – все устали. Но мама несколько раз всё же решается свозить нас в ботанический сад. Там приятная атмосфера, хотя и скучновато.

Телевизор – прибежище всей семьи. Много телевизора. Юмористические передачи, боевики со смешным переводом, интеллектуальные шоу, музыкальные фестивали... Когда не смотрим «чтоб глаза не портились» – слушаем из соседней комнаты. Или даже подглядываем через отражение в стеклянной двери.

А ещё выходные – это вкусные гренки с яйцом и луком, исчезающие с тарелки сразу по мере приготовления. Круче, но гораздо реже – пицца. «Пролетарская», толстая – много

сыра, теста, грибов и помидоров; запекается на тяжёлой чугунной сковороде с высоким бортиком, пуская ленивые пузыри.

Иногда – визиты к вечно-весёлым родственникам. В иную реальность, где жизнерадостная тётя и прикольные двоюродные братья, у которых все стены в комнате заклеены чем-то интересным и разноцветным. Правда их отец-инвалид выглядит зловеще.

В тот же район нас с братом отправляют к бабушке на время каникул. Хрущёвка, вкусная еда, громыхающие под окнами трамваи, вид на тракторный завод. Мы смотрим сериалы вместе с бабушкой, гуляем во дворе, где стоит огромная стальная ракета – нам нравится бегать вокруг неё. Внутри, к сожалению, насрано.

Стараемся не отходить далеко от бабушки – район не самый благополучный. Однажды к нам подходит парень с напрочь расцарапанной шеей, покрытой коркой запёкшейся крови, будто её обработали крупной наждачкой.

– Пацаны, вы откуда? – спрашивает он хриплым голосом.

– С Юго-Запада.

– Валите отсюда пока не поздно, пацаны.

Так проходили годы.

Болезни и страшилки

В дошкольном возрасте у меня были проблемы с пищевыми инфекциями, а в школьные годы я стабильно болел каждый год простудными заболеваниями. Мне нравилось валяться дома на кровати, пить душистый горячий чай с малиновым вареньем, потеть, делать ингаляции с маслом чайного дерева и поглядывать в окно на «приливы и отливы» машин, детей и взрослых, спешащих в школу и на работу, а потом обратно.

Нравилось и то, какой становилась мама, когда я болел. Казалось, что забота о больном ребёнке и неспешные домашние хлопоты делали её добрее, позволяли хоть чуточку расслабиться и передохнуть от механистичности трудовых будней. Впрочем, даже из дома она не позволяла себе отдыхать и продолжала консультировать коллег по телефону.

Однажды, когда я преодолевал традиционное ОРВИ, у меня из носа пошла кровь. Такое случалось и раньше, но на этот раз она ни в какую не хотела останавливаться. Когда крови натекло примерно полтазика, вызвали скорую. Врачи уверенными движениями запихали мне в ноздрю несколько метров бинта, пропитанного перекисью водорода, завязали нос и увезли в больницу.

Там меня ожидали несколько недель приключений в компании безбашенных детдомовцев, постоянно выдумывающих дебильные игры и издевающихся над тщедушным пареньком. А также уйма таблеток глюконата кальция и уколы в попу по два раза в день.

Кровеносные сосуды быстро пришли в норму и с тех пор не ломались. А удивительное чувство извлечения из недр черепной коробки многометрового бинта запомнилось на всю жизнь.

С ОРВИ дела обстояли хуже. Казалось, что в условиях больничных сквозняков, соплей и мокрота только эволюционируют, меняют цвет, но никогда не пройдут окончательно. А потом, ко всему прочему, я ещё и отравился. Но с этой проблемой врачи быстро расправились посредством полифепана и рисового отвара. Мама регулярно навещала меня и следила за развитием событий по телефону. В итоге, осознавая трагизм ситуации, она досрочно забрала меня домой под расписку. Там я быстро пошёл на поправку.

Мама обязательно задёргивала вечером шторы, опасаясь, что на соседнем доме могут оказаться снайперы. А в школе нас постоянно запугивали маньяками, которые водились в нашем микрорайоне. Рассказывали даже, что один из них развешивал кишки и трупы мла-

денцев на телевизионных антеннах моего дома. Я долго пытался их там разглядеть, но так и не нашёл.

Для детских ушей всё это звучало действительно страшно. Но когда мы шли с друзьями домой по тёмным дворам, то вслух фантазировали, как на нас нападёт маньяк, а мы покажем ему письки, и он убежит. Было весело и ясно, что никакой извращенец нам не страшен – ведь они нападают только на запуганных одиночек и сторонятся шумных компаний.

Но гулять на улице по бескрайним просторам бетонного спального гетто всё-таки было надо. Самое интересное занятие, что мне удавалось найти – поиск и анализ всякого мусора под окнами домов. Чуть позже – сдача стеклотары и последующая трата денег в удивительном разноцветном мире кооперативных ларьков.

Там было небезопасно – у меня несколько раз вымогали и крали деньги. Но чудесный мир дешёвых пластмассово-химических удовольствий манил калейдоскопом красок. Жвачки с наклейками и фантиками были культом нашего поколения. Их жевали десятками, надувая огромные пузыри. Фантики с машинками из «Турбо» и наклейки из «Трансформеров» (долго время я читал это название исключительно как «трахс-фортерс») коллекционировали, а голыми тётками оклеивали буквально всё, порой даже обложки школьных дневников, – в знак взрослости и независимости.

Эпопея с жвачками закончилась для меня тошнотой, накотившей однажды после употребления «коктейля» из пары «Трансформеров», после чего я уже чисто физиологически не мог их жевать. Похоже, организм окончательно интоксичировался тамошними химикалиями.

Спасительные экраны

На фоне серых монотонных будней и опасных улиц экран телевизора выглядел настоящим спасением. Оазисом красок, событий, юмора и музыки. Я и брат просто балдели от диснеевских мультиков; телепередач с обзорами компьютерных и приставочных игр. Виртуальные миры выгодно отличались от окружающей действительности своей цветастостью, игривостью и чувством перспективной стратегической цели, «правого дела», которому можно смело служить и быть уверенным в положительном результате – ведь добро всегда побеждает зло. Да и вообще – там всё было просто и весело.

Мы проводили вечера с родителями у телеэкрана – это было нашим основным способом познания мира, развлечения и альтернативой живому общению. Вернее, мы разговаривали с родителями, но их почему-то интересовали только события в школе и на работе, и то, что можно увидеть по телевизору. Я решил, что это нормально – так люди и общаются.

Конечно, мы с братом просили приставку. И однажды папа купил её – восьмибитную «Денди». Это был восторг! Родители пытались как-то нормировать игровое время, но что толку, если это было единственным (помимо книг и сна) спасением от реальности.

Приставки были и у друзей, и в магазине-клубе. Началась совсем другая жизнь: соревнования по очкам, покупка и обмен картриджами за деньги, полученные за стеклотару или накопленные со сдачи в магазине; прогуливание уроков, а чуть позже – зависть к обладателям «шестнадцатибиток», зависание в магазине приставочных игр в созерцании поединков в «Mortal Kombat» или просто игры в «Дюну». Отец и сам порой просиживал ночи без сна за «SuperMario» – просто потому что не было возможности сохраниться.

Однажды я сломал руку, выпендриваясь перед мамой на турнике, – упал на спину, но почему-то повредил лучевую кость левого предплечья. Сидеть дома с одной рукой целый месяц было скучновато – очень скоро я слегка размочил водой и исправил гипс, чтобы можно было держать джойстик приставки двумя руками, и снова стал полноценным игроком.

Первый компьютер, x386-й, принёс в дом отец. Просто так, без особого праздничного повода. С той поры новая игрушка стала точкой пересечения интересов всех членов семьи. Детям выделялось по часу времени после школы, маме – тоже немного, погонять «Шарики» («Lines»), остальное время монополизировал отец, перестраивающий ход мировой истории в «Цивилизации». Мы с братом играли в «Winter Games» от «Accolade» и «Prince of Persia», а потом тоже перешли на «Цивилизацию».

Естественно, мы всеми правдами и неправдами пробирались к компу, пока взрослых не было дома, приводили друзей, а потом как умели заматали следы.

Впервые познакомились с дотовским порно – набором заикленных роликов по несколько секунд каждый.

Особенно запомнилось появление «DooM», который папа принёс с работы на нескольких дискетах. Сперва пришлось долго осваиваться с управлением и играть, преодолевая страх. А когда однажды утром по телефону сообщили о смерти дедушки, я тут же уселся за «DooM», «чтобы отомстить за него демонам».

Тогда же в глубине заигравшегося сознания впервые промелькнули мысли о смерти. Что остаётся, когда подводится итог человеческой жизни, кроме не слишком благодарных родственников, делящих имущество покойного? И куда в действительности отправился дедушка, произнеся свои последние слова: «Не забудьте картошку выкопать»? Может, его призрак теперь будет посещать нас на даче, в которую дед вложил последние силы?

Дача

Творческие эксперименты

Летом нас с братом отвозили на дачу к бабушке, где мы вдоволь отъедались овощами и ягодами со своего огорода, деревенскими продуктами и прочей вкуснятиной. Типичный завтрак: пышные блины с маслом и сметаной, жирное жареное мясо с вяленным луком, ароматный чай и домашнее варенье. И всё это на залитой утренним солнцем веранде. Бабушка хорошо готовила, имела грубоватое деревенское чувство юмора, была не слишком внимательной и изрядной пофигисткой – при ней можно было позволить себе многое.

Дача радовала велосипедами, на которых мы много катались, правда в основном не дальше двух-трёх километров от дома, а то и вовсе «до канавы». Можно было ходить в лес за грибами и ягодами, или просто поиграть. Но только вместе с бабушкой, а она передвигалась очень медленно, и для нас каждый поход превращался в настоящее испытание. Мы предпочитали сидеть дома или загорать на своём участке; вместе взятых а также выгуливать нашу сухопутную черепашку Соню и играть в игры, которые мы в изобилии придумывали для себя сами.

Было весело набирать воду в велосипедные насосы и брызгаться струями, бегая по участку, устраивая друг-другу засады возле пунктов перезарядки – бочек с дождевой водой. А проигравшего ожидал «расстрел» из поливочного шланга на максимальном напоре.

Но чаще всего мы имитировали виртуальные миры: играли в войнушку на бумаге, делали макеты всяких космических кораблей, танков, машинок, а порой и вовсе использовали только наше воображение – садились на диван и озвучивали сценарий, как мы, герои, агенты разведки, мчимся на задание в машинах-трансформерах, сражая полчища врагов на суше, в воздухе и под водой. Для меня это сопровождалось почти полным, очень реалистичным погружением в мир игры.

Я мечтал, чтобы все люди в мире стали счастливы. Придумывал идеальные модели общественного устройства, проекты по освоению космоса, вечные двигатели, решения глобальных проблем: парникового эффекта, перенаселения, голода, катастроф, войн.

Однажды принёс отцу схему построения идеального мира на Земле, первым пунктом которой был «коммунизм». А после короткой беседы с родителем тут же зачеркнул его, заменив на «анархию», – никаких других перемен в схеме не потребовалось.

Почему-то влюбился с первого взгляда в плакат с ядерным взрывом из кабинета гражданской обороны. Грибовидные облака виделись красивыми и родными, атомная война – вполне приемлемым способом решения многих проблем человечества, а радиация – двигателем эволюции.

Главной своей миссией я видел творчество – внедрение в мир нового, Иного, обеспечивающего его эволюционное развитие. Это, как мне казалось, получается у меня лучше всего. Больше всего я рисовал монстров и оружие.

«Что ты рисуешь всякую ерунду, написал бы лучше что-нибудь», – сделала мне однажды замечание мама. В ответ я написал короткий рассказ, в котором описывалось, как я вхожу в страшную тёмную комнату с шестиствольным пулемётом наготове, на меня нападает монстр, и я высаживаю в него всю обойму. Примерно половину произведения занимало детальное описание разлетающихся по комнате внутренностей существа.

Мама списывала мою склонность к жестокости на влияние фильмов и компьютерных игр. Поговорить со мной на эту тему и выяснить реальные причины почему-то никому даже не приходило в голову.

Тем не менее, писать мне понравилось. «Жемчужиной» моей детской философской мысли стала иллюстрированная книга о земных и космических приключениях в будущем, написанная за одно лето и занявшая целую общую тетрадку.

По сюжету я терплю кораблекрушение в 2031 году и оказываюсь на необитаемом острове, где отстраиваю из останков корабля полноценную военную базу. Затем помогаю освободить Беларусь и Европу от космических пришельцев, собираю армию и захватываю США. Поднимаю со дна Атлантиду и превращаю её в самое передовое государство. Осваиваю Марс. Становлюсь президентом Земли, галактики, а затем и всей Вселенной, методично уничтожая всех несогласных (да и просто непонятных) существ целыми планетами. А когда в пространстве Вселенной становится не с кем сражаться, я отправляюсь в прошлое на машине времени, чтобы бороться с врагами своей Империи там.

Книга стала компиляцией всех впечатливших меня игр и фантастических книг вместе взятых. Обилие батальных сцен со стрельбой и защитными полями выдавали моё ощущение непредсказуемой враждебности мира, стремление обрести средство поскорее уничтожить любую угрозу и не получить повреждений самому. А полный контроль, тотальная гегемония, достигнутая добровольно или принудительно, виделась средством достижения всеобщего блага. Примечательно, что по сюжету на руководящие должности в своей империи я назначал только родственников – чтобы все были «главными»; враги всегда оказывались слабее и глупее; новое оружие пробивало старые защиты; а все диалоги велись безэмоционально, сухо и по-деловому.

В какой-то момент я понял, что мало внимания уделяю деталям. Так эпичные сражения галактических масштабов оказались разбавлены детальным описанием мха и тараканов на вентиляционной решётке, а также того, как герои кушают, умываются и ходят в туалет.

В той же тетрадке я попытался описать свои «трансцендентные мысли» о грядущем будущем человечества:

«Конец Света, – Апокалипсиса, – не предвидится. Но из-за высокого уровня загрязнения в городах и из-за других экологических факторов люди должны будут отказаться от современного образа жизни и вернуться на век или даже на несколько веков, может быть тысячелетий, назад – к деревням, дачам и земледелию. А те, кто не примут нового образа жизни будут тяжело болеть и умирать в мучениях. Дальше есть два пути развития, если оно конечно будет. Либо люди снова разовьются до уровня вонючих городов, либо до городов, не загрязняющих атмосферу. Использование солнечной, гидро- и космической энергии, а также новых очистных сооружений позволит создать государство с коммунистическим, безденежным строем. Но это будет очень сложно из-за слабого эмпатного восприятия человечества».

Собственный внутренний мир казался мне колоссально богатым и превосходящим реальный по всем параметрам. Я хорошо рисовал, подробно продумывал целые вселенные, существ, населяющих их, биологическое устройство и смысл существования каждого; делал зарисовки из жизни этих миров в тетрадки. Компьютерные игры подливали масла в огонь – я копировал оттуда монстров, оружие, сценарии, модифицировал и дополнял их, формируя многообразие своих вселенных – более интересных и продуманных, чем любой из игровых миров.

Памятные события и взросление

С дачей связано множество радостных переживаний, но были и моменты жёсткого столкновения с реальностью.

Так однажды соседский мальчишка до крови разбил мне голову кирпичом. Взрослые поставили его передо мной и заставили извиняться – я всё сразу простил, но позже скатал

огромный ком из влажной серой глины и, подкараулив обидчика в придорожных зарослях топиамбура, запустил ему прямо в лицо, когда тот проезжал мимо на велосипеде.

Долгое время я играл с соседской девочкой, которая была значительно старше. Мне она очень нравилась, и я намеревался на ней жениться, но однажды подруга перестала приходить и стала тусоваться со своими ровесниками-подростками. Подростковый мир казался мне грубым и пошлым, а поступок подруги – предательским.

Однажды меня догнала и укусила за ногу собака, от которой я не успел уехать на неповоротливом детском велосипеде – это напоминало сюрреалистический триллер.

Я впервые решился поехать по соседней дачной улице, «линии», на своём велосипеде с приставными колёсами, помогающими держать равновесие. Тяжёлый и не слишком тщательно смазанный агрегат движется медленно, педали приходится крутить с усилием.

И вдруг примерно на середине пути сзади, в начале улицы, показывается мелкая противная дворняга. Она визгливо лает и бежит в мою сторону. Я кручу педали изо всех сил. Свернуть некуда – улица с обеих сторон огорожена заборами. Остаётся двигаться только вперёд. А в конце линии ещё предстоит преодолеть водопроводную трубу под высокой насыпью. Едва ли это можно сделать быстро. Шавка стремительно приближается – я понимаю, что она меня вот-вот догонит, и что я, похоже, даже бегая быстрее, чем едет велосипед! Но уже поздно – мелкая тварь впивается мне в ногу, оставляя две красные дырочки. Я кричу – собака убегает. Оказываю себе первую медицинскую помощь – прикладываю к ранке лист подорожника. За него мне ещё влетит от мамы – лист довольно грязный. А путешествия за пределы нашей улицы надолго останутся под запретом.

С тех пор я стал опасаться «друзей человека» и часто представлял, как перееду свою обидчицу насмерть, если мне дадут порулить автомобилем.

А ещё меня очень вдохновляли двоюродные братья, которые часто гостили на даче, ездили на рыбалку, играли в карты и танцевали под техно. Особенно Ш. – творческий и энергичный, он долгое время был тем, на кого я мечтал быть похожим. Ш. всё время что-нибудь рисовал и придумывал: украшал велосипеды разноцветной проволокой и катафотами, создавал настольные игры, писал стихи, сшил костюм ниндзя, мастерил стальные мечи и сюрикены из алюминия. Его кумиром был Брюс Ли. Однажды он вместе с приятелями даже украл ружьё у лесника. Как только мне дали его поддержать, я сразу навёл прицел на деревенских мальчишек, и меня вовремя перенацелили в небо.

Когда Ш. уходил в армию, всё его «хозяйство» досталось нам с братом – радости моей не было предела!

Именно на даче я впервые, наивно и по-детски, заинтересовался метафизикой. Когда бабушка потрошила рыбу, она всегда доставала плавательные пузыри отдельно и говорила, что это рыба «душа». Я с радостью лопал их ногой, окончательно освобождая таким образом «душу» от «земных оков».

Однажды в мышеловку попала мышь. Я заметил её первым, достал из ловушки и понёс в огород чтобы вскрыть и посмотреть на мышиную «душу». За день до этого бабушка в шутку сказала, что у мышей она находится под хвостом. Кое-как расковыряв трупик в указанном месте, я долго вытягивал наружу кишечник. Мне показалось, что кроме него внутри ничего нет, из чего был сделал вывод, что мышь – животное бездушное.

Бывали и совсем странные поступки. Один раз я привязал верёвку к шпингалету на внутренней стороне банной двери. А потом закрыл её, просунув конец верёвки в щель, дёрнул за него и таким образом защёлкнул засов изнутри. Баня оказалась замурованной «вещью в себе». Тогда дед кое-как вскрыл окно и просунул меня внутрь, а я открыл дверь.

В этой же бане дедушка однажды рискнул «полечить» мой фимоз. Ему удалось болезненно закатать узкую крайнюю плоть наверх и оголить головку, а вернуть её в обычное положение он предоставил мне самостоятельно и ушёл. Однако это не удалось.

Сперва мне подумалось, что можно жить и так. Вернувшись из бани, я соврал, что всё хорошо, но сутки невыносимого трения разбухшей сверхчувствительной части тела об одежду убедили меня во что бы то ни стало вернуть прежнее положение вещей. Превозмогая острую боль в течение нескольких минут, я всё-таки сделал это, испытав колоссальное облегчение.

Несмотря на то, что в садоводческом товариществе, где располагалась наша дача, открылся магазин, а деревенское молоко привозили прямо на дом, мама продолжала таскать тяжёлые сумки продуктов из города. С экономией для бюджета и вредом для здоровья. Отчасти на этой почве она разругалась с бабушкой и забрала нас с братом в город. Мы были не против, так как нас к тому времени уже неумолимо влекло к компьютеру, а ежегодные каникулы на даче изрядно наскучили.

«Ты пазнаАеш жЫзню», – сказала мне напоследок заплаканная бабушка на своём белорусско-русском наречии.

Годы, проведённые на даче в обществе бабушки, дедушки, их друзей и подруг – престарелых соседей-садоводов, сделали в моих глазах пенсионный возраст самой прекрасной и желанной порой человеческой жизни. Я мечтал поскорее стать пенсионером. Избавиться от всех обязанностей перед семьёй и обществом, заниматься своими делами и получать деньги просто так. Конечно казалось несправедливым то, что это чудесное время наступает лишь в старости, когда тело начинает серьёзно болеть, теряет юношескую подвижность, а ум лишается смекалки и полёта фантазии. Но всё равно пенсия виделась мне царством свободы и блаженства по сравнению со школьной диктатурой и утомительным циклом «дом-работа», в котором ежедневно вращались родители.

Я и сам стал во многом похож на старика в свои юные годы. Был домоседом, предпочитая телевизор и чтение любым активным формам отдыха. Кряхтел, шутил и ругался, как бабушка. Любил укутаться потеплее и сидеть на лавочке вечером, провожая закат и вслушиваясь в далёкий гул электричек. А потом, когда надоест кормить собой комаров, – возвращаться домой, включать радиоприёмник, пить чай и играть с братом в «дурака».

Средние и старшие классы

Ложь, халява и мудрость

Учителя говорили, что, хотя я и не особенно учу правила, у меня есть «врождённая грамотность», и мама гордилась ей, считая это своей заслугой. Я хорошо писал сочинения, которые зачитывали перед всем классом. У меня было ощущение полного контроля над логикой – что я могу взять любую мысль и логически перейти от неё к любой другой, доказать кому угодно что угодно.

Я начал регулярно прогуливать уроки, каждый раз сочиняя «уважительные причины» разной степени правдоподобности – и мне действительно многое сходило с рук. Школа вообще хорошо учила врать и обманывать. Во всём: от понтов перед сверстниками, списываний и прогулов до успешного ответа у доски без малейшего знания о предмете.

Случалось, что я вырывал страницы с замечаниями и плохими оценками из дневника или зарисовывал их, ссылаясь на проделки младшего брата и домашних животных. К тому же, с неприятными известиями всегда можно было пойти к отцу – он выслушивал спокойно, никогда не ругался и доводил всё до сведения супруги в мягкой форме. А ещё отец снабжал меня научной фантастикой вместо скучной школьной литературы, никогда не платил денег на родительских собраниях, называя их сбор вымогательством (с точной ссылкой на статью Уголовного кодекса), и вызывал моё восхищение умением думать своей головой, а не слепо подчиняться правилам по первому требованию как мама.

При общении с родительницей любая оплошность и отклонение от норм несла в себе риск спровоцировать истерику. К моему колоссальному облегчению, после младших классов она всё же ослабила железную хватку и уже не контролировала выполнение «домашки».

Зато на моих глазах мама стала превращать себя из самой красивой женщины в обычную тётку: мелировать волосы, укладывать их лаком, злоупотреблять косметикой... Я совершенно не понимал, зачем нужно уродовать себя, скрывая вполне симпатичные морщины и седину. Это воспринималось как очередное предательство: мало того, что она проводила больше времени на работе, чем с нами – теперь лицо «для общества» оказалось важнее лица «для близких».

Про себя я отметил тогда её возраст – тридцать пять – и решил, что это – какой-то рубеж, после которого женщины стремительно «портятся». Надо успевать любить их до него.

Наблюдение за родственниками сформировало у меня пренебрежительное отношение к работе. Из рассказов о папиных предках, которые умели хорошо устроиться даже во время войны, а также записи «склонен к насильственным действиям в отношении начальствующего состава» в военном билете отца, я сделал вывод, что дух свободы у нас в крови.

Дед, подорвавший здоровье на работе ради материального блага семьи, стал моим антигероем – примером того, как мне не хотелось бы прожить свою жизнь. Ведь значительная часть его сбережений обесценилась после развала СССР, а родные и близкие не питали к нему ни глубокого уважения, ни особо тёплых чувств – в их памяти он остался суровым и нелюдимым. Нравился «правильный» дед только маме.

«Работай чтоб не вспотеть и ешь чтоб не усрать», – так звучала переданная мне отцом «жемчужина мудрости», поучающая умеренности и в труде, и в потреблении. Я успешно применял первую её часть в жизни и старался по возможности не напрягаться – обычно это приводило к наилучшим результатам. Например, во время летней практики я нехотя махал

лопатой, напевая и пританцовывая. «Вот ты, Борис, делаешь всё „тяп-ляп“, – негодовала учительница-надзирательница, – но у тебя почему-то получается лучше всех!»

Но мне хотелось ещё больше оптимизировать свой труд. Тогда я обратился к доброй учительнице информатики и «отработал» всю практику за один день.

Так обстояли дела с трудом, с потреблением же возникали проблемы. Давать детям карманные деньги у нас в семье было не принято – только на платные обеды, когда школа сделалась гимназией, и они стали обязательными. Однако разноцветные товары из ларьков, а чуть позже компьютерные клубы, притягивали меня, как магнит. Я по возможности экономил на питании в школьной столовой. К тому же можно было забрать себе сдачу после похода в магазин, сдать бутылки и макулатуру. Однажды я даже украл купюру у мамы из кошелька.

Папа утверждал, что я могу попросить у него денег, если мне что-то понадобится. Обычно мне было боязно и стыдно просить, но однажды я всё-таки решился:

– Пап, я хочу купить трансформера. Он такой клёвый, умеет разбираться на пять машинок, которые ездят сами по себе, и собираться в одного большого робота! И стоит недорого, – я увидел эту игрушку у одного из ребят в школе и горячо возжелал такую же, предварительно отыскал её в ларьке и убедился, что она стоит меньше многих аналогов и теоретически позволительная для семейного бюджета.

– А зачем? – спокойно спросил отец.

Я задумался. Перед глазами пронёсся возможный сценарий: я играю с удовольствием; потом мне надоедает; возможно, хвастаюсь перед друзьями; затем ради интереса разбираю игрушку на запчасти; пытаюсь собрать из неё что-то новое; потом надоедает и это; от робота остаётся горсть раздолбанных деталей, которая меня больше не интересует; она занимает своё место среди кучи прочего хлама в секретере; мне снова нужна новая игрушка... Хотя скорее всего мне просто надоест играть в первый же день.

Жажда покупки исчезла, а я пережил почти мистическое озарение – покупать игрушки из зависти не хотелось уже никогда. А со временем их всё равно полностью заменили приставочные и компьютерные игры.

Онанизм

В пубертатном возрасте меня постоянно беспокоили гениталии. Я поглядывал на парней в раздевалке, сравнивая форму и размеры, как будто проверяя, всё ли в порядке, и стараясь не отставать. Ум моделировал возможные сценарии внезапной интимной встречи с девушкой, просчитывая варианты поведения, чтобы «не ударить лицом в грязь». Для полноценной подготовки требовалась тренировка, которой я занимался регулярно.

С двенадцати лет во мне проснулось половое влечение. Бушующая сила Жизни порой награждала меня спонтанной эрекцией даже при взгляде на солнце. А в сочетании с богатым воображением, эта сила вскоре сделала эротические фантазии основной темой моей мыслительной деятельности (наряду с компьютерными играми). Я познал тысячи женщин, амазонок, ангелов, богинь, химер, пришельцев, эльфиек, дельфинов, фиолетовых деревьев с желевидным корневищем... И постоянно экспериментировал в способах доведения себя до оргазма. Да и фимоз с годами постепенно удалось разработать при помощи известных простых движений.

Девушки в школе казались надменными, искусственными и недалёкими. А мне попросту не хватало смелости. Даже когда я приходил в гости к однокласснице, в которую был горячо влюблён. Я был настолько робок в проявлении своих чувств, что рассказал ей о школьной влюблённости лишь двадцать лет спустя.

Я совершенно не понимал, зачем парни грубо прижимают девушек, хлопают их по ягодицам и оказывают прочие варварские знаки внимания. Любовь представлялась мне романтиче-

ской, возвышенной и приятной для обоих. Это надолго сохранило мне девственность, сильно развило воображение в эротической сфере, а также уберегло от случайных ошибок юности.

Я рос довольно замкнутым. Больше всего на свете мне нравилось просто быть одному. Когда родители и брат покидали дом, я чувствовал, как открывается особое пространство свободы. Дом становился волшебным, оживал, будто он тоже ждал возможности поиграть со мной.

Мне всё ещё было многое интересно помимо компьютера: кулинарные, электротехнические и химические эксперименты, содержимое полок, чтение, танцы, пение, звукозапись, кувырки на диване, бег голышом, игры с восприятием – то, чем можно было спокойно заниматься только без родителей.

И конечно же онанизм. Ему весьма способствовали книжки «для взрослых», которые как будто специально хранились на полках секретера в детской комнате. Самое сложное было – замести следы своих экспериментов с учётом того, что кто-то из домочадцев мог вернуться домой в любой момент. Наиболее удобным местом оказалась ванная комната – там можно было закрыться на шпингалет, удобно расположиться перед зеркалом, опираясь задом о стиральную машину или даже набрать полную ванну воды и понежиться там.

Сколько спермы утекло в канализацию... Я воображал, что где-то под городом крысы и прочие звери беременеют от человеческого семени, и там развивается цивилизация мутантов наподобие египетских богов – с головами животных и телами людей, которая готовит восстание против человечества.

А ванну я каждый раз тщательно вымывал после использования, опасаясь, что мама может забеременеть, если будет мыться после меня. «Потереть спинку» я ей тоже больше не позволял.

Спрятать себя настоящего

Отношения с одноклассниками складывались легко и непринуждённо, пока у нас находились общие интересы. Класс несколько раз переформировывали, но у меня всегда находился друг, с которым можно было прогуливать уроки, играть в приставку, хулиганить и просто гулять.

После начальной школы мама практически перестала меня контролировать, но к тому времени я уже был отформатирован под «хорошего» и старался не расстраивать старших. Мне нравилось дружить с «плохими» и отчаянно хотелось самому быть «плохим».

Однажды мы с товарищем даже пытались взорвать школу, заложив взрывчатку, выковырянную из петард, в зазор между кирпичами. Нас тогда застучала завуч и отчитала перед всем классом. Было обидно до слёз – в основном из-за того, что обо всём расскажут родителям, а ещё потому что под психологическим давлением меня вынудили отдать все оставшиеся петарды, с трудом купленные за деньги, которые приходилось долго копить.

Но мечта о бомбе осталась – в следующий раз мы соорудили нечто взрывоопасное, запихнув в банку от растворимого кофе аэрозольный баллончик, спички и немерено петард. Это был тестовый образец, и мы решили сперва устроить «полевые испытания» – вынесли поделку в поле и подожгли фитиль. Никакой реакции не последовало. Пришлось, преодолевая страх и холод (дело было зимой), вскрывать конструкцию и поджигать содержимое. В итоге сдетонировали только петарды. Никто не пострадал.

Во всех этих случаях примечательно то, что друзья, которые казались мне круче, здоровее и смелее, фактически каждый раз стремились переложить на меня ответственность за происходящее и отказывались от самой опасной части мероприятия. Это научило относиться к дружбе скептически, а взрывать что-либо перехотелось совсем.

Ближе к восьмому классу я с удивлением обнаружил, что все, кроме меня, стремительно повзрослели. Ребят уже интересовала выпивка, сигареты и музыка, они обнимались с девуш-

ками и лапали их. А я всё так же рисовал монстров, оружие, горы черепов и ядерные грибы в тетрадках и «хранил верность» компу.

С каждым учебным годом у меня становилось всё меньше друзей. Кто-то не хотел общаться со слабохарактерным дохляком, кто-то предпочитал моей дружбе модные тусовки с выпивкой и куревом, которые набирали в свои ряды всё большее количество адептов, делая их смелее и агрессивнее. Среди сверстников нарастала стайная грубость, стремление кого-то унижать, откровенно тупые приколы и пошлость во всех проявлениях.

Я пытался адаптироваться и перенимал ключевые ритуалы поведения, чтобы не стать изгоем. Но понимал, что просто не выживу в такой среде будучи «добрым сказочником». Тогда я просто взял в воображении «настоящего себя», положил в некий золотой сундучок, запечатал его и *спрятал* куда подальше в глубины сознания до лучших времён.

Следующим летом я значительно прибавил в росте – превратился из самого маленького в самого длинного в классе. На несколько лет этого действительно было достаточно, чтобы избежать нежелательного внимания со стороны забияк.

Я плохо развивался физически и не умел постоять за себя. Хотя мой отец в своё время служил в армии и владел рукопашным боем, мне запомнилось только то, как он однажды показывал приём для выбивания пистолета из руки противника – взмах ногой с криком «дао!» В школе я почти постоянно ходил с напряжённым животом – на всякий случай – и гордился «квадратиками» на прессе.

Физкультура мне не нравилась. В подвижные игры я не играл. У меня была повышенная боязнь получить и причинить повреждения. В классе я всегда балансировал на тонкой грани между «белой вороной» и изгоем-посмешищем, по возможности избегая конфликтов. По большей части это удавалось – откровенных издевательств и избиений не было.

Однако несколько раз я всё-таки дрался. Каждый раз – из-за девушки, когда кто-то из ребят грубил или «подкатывал» к барышне, которая была мне тайно симпатична. И всякий раз – безрезультатно. Несколько минут пылкого размахивания кулаками, почти не глядя, – хочется защитить лицо и особенно глаза, цепляния за одежду, неудачные попытки сделать «подсечку»...

По итогу в драке не было ни победителя, ни проигравшего – просто несколько ссадин и синяков. И желание за них отомстить. Возвращаясь домой я подолгу отрабатывал почерпнутые из кинофильмов удары и броски на воображаемом оппоненте, который молил о пощаде.

В реальности повторная стычка имела место всего лишь раз. С тем же результатом – красивые приёмы оставались фантазиями, а на деле выходило всё то же хаотичное махание и цепляние. И фингал под глазом, который я потом наивно пытался замазать маминым тональным кремом.

В нашем спальном районе было много злых детей из неблагополучных семей. А ребята в школе записывались в спортивные секции, и риск получить от подготовленного человека по зубам без шанса что-либо ему противопоставить значительно возрастал с каждым годом. Я попытался записаться на самбо. Но зашёл всего раз и, посмотрев, как ребята бегают друг по другу на разминке, решил туда не возвращаться – дополнительный урок «физкультуры с издевательствами» ради возможности выучить несколько бросков меня не устраивал. Да и вообще – зачем подвергать себя дополнительному стрессу? Я предпочёл просто оставаться миролюбивым терпилой. Однако всё же подтягивался, отжимался, набивал кулаки и тренировал растяжку – на всякий случай.

Путь к цинизму

У мамы всегда выходило, что папа плохой и виноватый – даже когда он объективно был ни при чём. А у папы мама всегда была дура и сама виновата, но он говорил об этом более сдержанно. Хотя несколько раз, когда приходил пьяный, всё же распускал руки.

Однажды всё начало заходить слишком далеко, и я вызвал милицию. Почему-то никто не приехал, но папа успокоился. И с того дня стал называть меня Павликом Морозовым. Я не растерялся и вскоре тоже придумал для него обидное прозвище – тогда мы оба перестали обзываться.

Постепенно у родителей назрел серьёзный кризис в отношениях, они стали поговаривать о разводе. Нам с братом стоило определиться, с кем из них каждый из нас предпочёл бы остаться.

У нас был опыт проживания без мамы, когда она ложилась в больницу, и этот опыт мне понравился: готовить и следить за домом самостоятельно оказалось приятным занятием, которое отнимало гораздо меньше времени и сил, чем с мамой. Более того – это стало интересно! А главное – не было постоянного угнетающего нервного фона: гармония и спокойствие.

Потому я предпочёл бы остаться с отцом, даже понимая, что при этом многому придётся научиться по хозяйству – спокойствие дороже «арийского порядка». Впрочем, не было никаких гарантий, что одиночество отца не превратится в алкогольный Ад, или что он найдёт другую женщину, которая будет хорошо относиться к детям от первого брака. Так что сомнения оставались до последнего.

Однако родители так и не развелись.

Тем временем, моя тайная возлюбленная одноклассница уехала жить в другой город. Мы продолжали переписываться, но я не чувствовал от этого ничего кроме раздражения. Ведь она была далеко – а значит мы никогда не будем вместе. Ни признаний, ни поцелуев, ни секса. Это казалось очевидным, и я не понимал – к чему тогда травить душу перепиской?

К тому же она что-то от меня скрывала, ещё когда жила здесь. Ходили слухи, что у неё был парень. Я почувствовал себя обиженным и брошенным в очередной раз и перестал писать.

«Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда», – резюмировал отец нашу короткую беседу на тему гендерных отношений. Я стал смотреть на любовь с холодным цинизмом – это отразилось и в школьных сочинениях: я использовал папину цитату, подводя итог любовной истории литературных персонажей. Учительница поставила мне двойку с припиской: «Зачем ты это написал!?» От этих её слов чувствовалась боль и горечь утраты.

В «анкетах», которые друзья заполняли друг-другу, часто встречался вопрос о смысле или девизе жизни. У меня его не было, но прочитав однажды на стене раздевалки надпись: «Всех баб не переебать, но стремиться к этому надо», я стал всюду отвечать так. Естественно, в шутку и для эпатажа, а про себя думал: «Любовь и светлое будущее человечества».

Поскольку я буквально вырос на юмористических передачах «Аншлаг», «Смехопанорама» и «КВН», сатира и юмор казались мне самыми конструктивными инструментами взаимодействия с миром. И своеобразным пространством свободы, где возможно всё.

Иногда я ловил себя на том, что не могу разговаривать серьёзно в принципе – балагурю без перерыва и всё обращаю в шутку. Потому никто ко мне и не обращался с серьёзными предложениями, а я был этому только рад – серьёзность казалась мне синонимом закоренелости мозга и взрослости в худшем смысле этого слова.

Зато я рассказывал сотни анекдотов и рисовал стенгазеты. А поскольку страх публичных выступлений не был мне свойственен, я с радостью соглашался вести всевозможные увеселительные мероприятия и участвовал в школьных КВНах. Вплоть до того раза, когда мне одному

поручили разработать сценарий для всех КВН-овских конкурсов. Вернее, я предложил свои идеи, а остальным, включая классную, было настолько пофиг, что исправлять ничего не стали.

К тому моменту я уже набрался достаточно подростковой пошлости и научился «чушь прекрасную нести». Шутки про наркотики, телепузиков-каннибалов, смерть, а также презервативы и нижнее бельё, летящие со сцены... В общем, представление вызвало полнейший восторг у сверстников, однако преподавательский состав, сидящий в жюри, его не оценил – больше к самостоятельности меня не допускали.

Вероятно, начиная именно с этого события я стал стремительно забывать анекдоты и шуточки, которые раньше старательно коллекционировал в памяти.

Компьютерная романтика

Так постепенно круг моих интересов ограничился компьютерами. Хотя найти девушку тоже очень хотелось. Совокупность этих факторов (или подсознательная тяга к оптимизации, передавшаяся от родителей-технарей) привела к влюблённости в молодую учительницу информатики.

АС. была хрупкой женщиной с приятным спокойным голосом. От неё веяло мягкостью, романтичностью и лёгкой усталостью. С ней я познал основы алгоритмизации на псевдоязыке программирования ИнтАл и на нём же разработал свои первые игры.

А ещё мы беседовали о жизни. АС. советовала мне найти девушку, а я не находил слов, чтобы признаться ей в своих чувствах и врал, что подруга у меня есть, и что мы с ней уже на стадии «поцелуев в кино».

Мы с приятелем действительно предпринимали в то время попытки познакомиться с двумя сверстницами, но все они не дотягивали в моих глазах до АС. А вступать в отношения без глубоких чувств было не в моих принципах.

Моя любимая учительница вскоре уволилась, а вместо неё в школе появился странный дядька-сисадмин. В его внешности безошибочно читался заядлый компьютерный гик: большой рост, нелепая осанка, очки, напряжённый лоб, плешка, усы, жилет с инструментами и кобура с газовым пистолетом. Звали дядьку Т.В., но для меня и быстро сформировавшегося «ближнего круга» школяров он был просто Death.

Death мгновенно стал популярен благодаря своей открытости, чувству юмора и профессионализму. А ещё он, как и я, оказался фанатом «Quake», причём именно второй, а не третьей части, на которую давно перешло большинство, а у моего домашнего компьютера не хватало для неё ресурсов.

Для меня лично наш сисадмин был примечателен ещё и тем, что не скрывал факта своей поздней девственности, и даже участвовал в ток-шоу на первом канале российского телевидения, посвящённом этой теме.

Начались регулярные посиделки. На переменках и после уроков кабинет информатики превращался в компьютерный клуб. Наконец-то я мог почти не лимитировано играть с живыми людьми бесплатно! Да ещё и в то, во что умел играть хорошо. Там же мы со временем стали собираться на спецкурс по C++, который обычно быстро перерастал в зачистку подземелий в «Diablo» и просмотр фильмов в гоблинском переводе.

От недавней влюблённости в учительницу не осталось и следа, и я положил глаз на одну из посетительниц нашего «клуба». Стройная и симпатичная, она тоже играла в «Quake» и этим покорила моё сердце (я снова пытался совместить всё, что мне нравится, «в одном флаконе»). Несмотря на то, что у неё был парень – крепкий старшекласник, я написал ей анонимно стихи на День святого Валентина, а потом стал подсаживаться к ней у компьютера. Однако при ближайшем рассмотрении она оказалась девушкой недалёкого ума и весьма посредственным игроком с заторможенной реакцией. Я был разочарован.

Но гораздо более болезненным ударом стал конфликт с Death'ом. Однажды я второпях зашёл в кабинет, где во всю кипела виртуальная баталия, и уселся за свободный компьютер. Там была запущена какая-то крайне долгосрочная проверка, прогресс которой уже перевалил за половину. Спеша на игровой фронт, я закрыл окно программы.

– Пожизненное! – раздался неожиданно громогласный сисадминский голос, – Ты понимаешь, что ты сделал!? Всё, свободен.

Я встал и ушёл, еле сдерживая слёзы. Особо не понимая, что именно натворил, зато ясно осознавая, что Death не шутит. «Пожизненное» означало окончательное и бесповоротное исключение из «игрового клуба».

Дефицит сетевой игры теперь приходилось ликвидировать в компьютерных клубах, деньги на которые собирались традиционно: со сдачи от походов в магазин, экономии на школьном питании, сбора макулатуры и стеклотары.

Альтернативой бессмысленному прожиганию времени и денег за игрой было программирование. Я увидел в нём способ воплотить свои многочисленные идеи и начал делать простейшие игры.

Используя ИнтАл, я создал симулятор мировой термоядерной войны. Программа вычерчивала карту мира, затем игроки (СССР и США) расставляли базы и по очереди пуляли друг в друга ракетами. Математические расчёты в игре отсутствовали напрочь и после каждого хода она наивно спрашивала: «Сколько баз противника уничтожено?»

Далее последовало несколько примитивных поделок на Pascal'e. А затем, по наводке одноклассника, я открыл для себя Flash – он казался очень простым средством для создания анимации, и я быстро освоился с помощью встроенного мануала с примерами.

Сперва мне захотелось сделать мультик. Получился короткий корявенький ролик про то, как мы с братом пытались взорвать школу, но в итоге лишь повредили канализационную трубу, после чего нашу альма-матер доверху затопило говном. Под напором фекальных масс учителя с криками вылетали из окон, а на крыше бил живописный фонтан. Завершал сие творение визит смерти с косой в противогазе под собственноручно записанный на расстроенной папиной гитаре саундтрек а-ля «титры первой матрицы».

Мультик понравился одноклассникам, однако большой популярности не снискал. Я же заинтересовался: как сделать, чтобы объекты на экране двигались не по заданным траекториям, а по нажатию клавиш? Так я открыл для себя ActionScript – встроенный язык программирования Flash и углубился в конструирование игр.

Я чувствовал себя первооткрывателем и изобретал с нуля логику многих известных игровых моделей. Был у меня и свой волейбол, и гоночки, и что-то вроде первого GTA, и даже попытки реализовать что-то трёхмерное.

Используя Flash, я создал презентацию для благотворительной ярмарки, и она заняла призовое место – мне вручили интернет-карточку, мой первый билет во всемирную паутину. Но в нашем домашнем компьютере не было модема, и я обратился к Death'у, который к тому времени уже смягчился и разрешил мне выходить в сеть по карточке через учительский терминал.

– Так ведь у него же пожизненное! – недоумевали школьники, знавшие принципиальность нашего сисадмина.

– А он с нами и не играет, – резонно отвечал Death.

Интернет для меня начался с почты, модов «Quake», статей Дани Шеповалова и pnm.ru. Море информации, игр, программ, музыки, юмора и красивых картинок захлестнуло юное сознание. Это казалось удивительным и бесконечным.

Даня Шеповалов сделался моим кумиром и эталоном. Этот эксцентричный автор журнала Хакер казался философским гением эпохи, соединившим в себе все основные черты меня самого: увлечение фантастикой, положительное отношение к перспективе термоядерного апо-

калипсиса, социальную неадаптированность, спермотоксикоз и полёт фантазии на грани шизофрении.

Чем глубже я погружался в электронную вселенную, тем больше убеждался, что за виртуальным миром – будущее. Мне хотелось отождествлять себя с термином «киберпанк». Образ хакера, соединившего свой мозг с сетью и пренебрегающего физическим телом, которое всегда можно «починить» с помощью имплантов и нано-технологий (или просто распродать его на органы, а сознание скопировать в сеть) казался крайне привлекательным.

Танцы и костюм

Однако тело мне пока было необходимо, потому что я очень любил танцевать. Танцевал отчаянно, с полной самоотдачей, прыгая, кружась, вращая конечностями и тряся головой! Если позволяло место – выписывал при этом широкие круги на танцполе, испытывая свой вестибулярный аппарат на прочность.

Рейв, техно, брейкбит были тогда в моде – их крутили на школьных дискотеках, и я старался не пропустить ни одной. На платные ночные дискотеки ходить не позволяли финансы и родители.

Алкоголь перед танцами я не употреблял сознательно, знал – так меньше усталости и больше кайфа. Хлорированная вода из-под крана казалась самым вкусным напитком в мире после танцев под хардкор!

Выкладываясь до седьмого пота на дискотеке, я с удовольствием компенсировал нелюбовь к физкультуре, а чередование быстрых и медленных композиций создавало эффект «тренировки с подходами». Медленные танцы мне тоже были по душе – ведь это повод пригласить понравившуюся девушку на танец. Правда, я никогда не понимал, как можно завязать знакомство «в реале», толком не зная о человеке ничего. Я так и не освоил ритуалы ухаживания. В отличие от танцевальных движений, которые свободно изобретались на ходу, зачастую давая «пищу» окружающим меня подражателям.

С одной симпатичной смуглянкой мне всё-таки удалось войти в контакт. По крайней мере мне так казалось, потому что она была первой, кого я осмелился взять во время танца за попу. Правда с её устного разрешения.

В последующие дни мы несколько раз встречались в школьном коридоре. Я предлагал ей сходить на свидание, но она каждый раз вежливо отказывалась, а потом открыто попросила, чтобы я к ней больше не приставал.

Причина была ясна: на дискотеке я был совсем другим человеком, нежели в обыденной жизни. Активным, открытым, смелым юношей с взъерошенными волосами. А надевая школьную форму превращался в неприглядного зажатого ботаника с дипломатом (я нашёл его среди родительского барахла и стал носить вместо школьного ранца). Хотя разница была только в костюме.

Важность костюма стала для меня очевидна. Одеваясь как «хороший мальчик» нельзя стать кем-то ещё, по крайней мере в глазах сверстников. Но наша семья всё ещё была бедной относительно семей богатых гимназистов. Никаких своих денег, кроме сдачи из магазина, у меня не было, а стиль одежды мне фактически задавала мама.

Чтобы не выглядеть полным «лохом» на фоне одноклассников, некоторым из которых хватало дерзости игнорировать обязательную для гимназии школьную форму, приходилось хотя бы отчасти заменять её элементы: надевать под пиджак разноцветную рубашку, джинсы вместо брюк и кеды в качестве обуви. Значки с забавными надписями тоже котировались. У меня был двусмысленный «хорошо владею языком», подаренный мамой на день рождения, чтобы подчеркнуть мои успехи в английском.

С дискотечным «прикидом» тоже был напряг. Никаких молодёжных вещей у меня в принципе не было. Я надевал джинсы с фланелевой рубашкой, как простой рабочий, якобы выражая тем самым эстетику «индастриал».

Самой стильной по признанию одноклассниц оказалась моя физкультурная форма. Двухцветные штаны с отстёгивающимися штанинами и разношенная толстовка двоюродного брата придавали мне модный облик любителя хип-хопа. Которым я, однако, вовсе не был.

Музыкальное бунтарство

Оставаться в стороне от основной массы становилось физически опасным – над изгоями издевались с особым цинизмом, ломая их навсегда. Я осознал, что перестану быть «белой вороной» только если примкну к какой-нибудь субкультуре. В школе не было ярко-выраженных тусовок на музыкальной основе. Зато многих объединяла идея протеста политическому режиму.

Политика меня никогда особо не интересовала. Внимание взрослых к перестановке каких-то дядечек в телевизоре, зачастую лысых и напоминающих маринованные грибочки, казалось мне странным. Как и обсуждение их поведения на кухне, из которого каждый раз следовало, что любой рядовой инженер честнее, умнее и банально грамотнее депутата и президента. Почему именно последние правят страной – оставалось загадкой.

Мне нравились смелые папины идеи. Например, подарить Беларусь США и сделать её 51-м штатом. Любимый им анархизм с тезисом о «власти каждого в пределах компетенции» оказался мне тогда не совсем понятен. Но по эмоциональному посылу был сделан вывод, что дело стоящее.

А сам я ощущал недовольство лишь возрастными ограничениями для желающих проявить себя в большой политике и мечтал о власти детей: ясно же что у двенадцатилетних гибче ум и на порядок больше конструктивных идей по изменению мира к лучшему, чем у заскорузлых старпёров, которые и речь-то свою выстраивают с трудом.

В общем, когда в старших классах сверстники начали вливаться в ряды оппозиции и выражать свой протест через музыку, я оказался не у дел. Ведь песенками ничего не изменить. Особенно когда живётся в целом хорошо и протестуешь просто ради идеи. Это отдалило меня от ребят-музыкантов, которые уже по полной теребили гитары в школьных коридорах и давали концерты.

Мне больше нравилась электронная танцевальная музыка, а компьютер стал единственным средством самореализации. Я начал первые несмелые музыкальные эксперименты в надежде произвести впечатление на одноклассницу, которая любила танцевать, также, как и я. Но несуразные ремиксы на «The Prodigy» и просто игры с сэмплами ни к чему не привели.

Бунтарям-гитаристам я всё-таки завидовал – мне тоже хотелось бунтовать против родителей под видом бунта против системы! Через друзей, радио и музыкальные телеканалы я узнавал о разных жанрах. Мне полюбился хеви-метал за присущий ему дух эпичности, скорости, бескомпромиссности. Правда в группах я не разбирался и случайно купил в киоске кассету с изображением металлических динамиков-подсолнухов на обложке – просто обложка понравилась, а раз металлические – значит это метал. Однако там оказался техно-альбом «Welcome to Tomorrow» группы «Snap!», уникальность, удивительную нежность и мелодичность которого я оценил лишь много лет спустя. А в те годы покупка казалась мне позорным провалом, и я спрятал кассету подальше.

В итоге благодаря радио я всё-таки разобрался, что мне нужно. И позволил себе купить кассету с двумя альбомами группы Ария: «Кровь за кровь» и «Ночь короче дня». Эти песни действовали на меня как внутривенная инъекция адреналина. Они вселяли уверенность в то, что быть одиноким, значит быть сильным и независимым; что смерть всегда идёт по пятам,

а жизнь может быть наполнена высокими скоростями, яркими душевными переживаниями и масштабными событиями; сражениями с бесами внутри и толпами врагов снаружи.

Сверстники в основном слушали другую музыку. Их кумиры рассказывали, как «жестокое время ставит свою пробу» и о том, как жить красиво. Мои – о том, как «мы на лету срывали вечность», и про то, как красиво умереть. О чём нам было разговаривать?

Одноклассник открыл для меня тусовку неформалов. Металлисты и панки собирались каждый вечер на заднем дворе нашей школы, пели песни под гитару, выпивали, общались, иногда ходили в гости или в ближайший лесопарк по праздничным поводам.

Если до этого я напивался всего раз, во время школьной экскурсии в загородный центр народных ремёсел, то теперь умеренное и не очень употребление алкоголя самой разной крепости постепенно становилось нормой жизни. Это казалось важным элементом бунта против диктатуры матери.

Наконец-то мне было чем себя занять помимо чтения и компа. Теперь я мог спокойно уступить место у терминала домашней ЭВМ брату или отцу по первому требованию и, не дожидаясь прихода матери, уйти «на гимназию».

У меня сразу появилось множество умных и весёлых друзей. Умными были в основном металлисты, и мне хотелось относить себя к ним. Но с панками было веселее. Поэтому вволю пообщавшись с первыми о музыкальных и книжных новинках, я обычно переключался бухать и балагурить со вторыми.

Впрочем, граница была весьма условной – и те, и другие в большинстве своём были ролевиками и состояли в рыцарском клубе. Я не участвовал, опасаясь за своё здоровье, но вслух мотивировал это тем, что «я не рыцарь и не эльф, моя эпоха – киберпанк!» Это оправдывало и отсутствие у меня каких-либо субкультурных атрибутов одежды, на которые просто не было денег.

Важной частью наших посиделок были душевные песни под гитару. Хором наших нестройных юных голосов, порой шутливо перестраивающих слова, мы оживляли песни «Кино», «Арии», «Гражданской Обороны», «Наутилуса» и «КиШа» (тогда ещё в большинстве своём незнакомые мне) так, что спустя время знакомство с оригиналами этих композиций доставило мне главным образом разочарование. В глубинах памяти они всегда будут отзываться задорным подростковым многоголосием. У костра, под запах пива и скрип кожаных курток. И ни одна студийная запись не вместит этой атмосферы и гаммы чувств!

*Солнце светит и растёт трава,
Но тебе она не нужна.
Всё не то и всё не так,
Когда твоя девушка Артём...*

Выпивка, атмосфера непринуждённого разгильдяйства, дружелюбная компания, громкие песни, традиция целоваться с девушками в щёку в качестве приветствия – всё это понемногу делало меня раскрепощённым.

Во время одной из гулянок в лесу я разговорился с сестрой своего приятеля. Затуманенное алкоголем сознание практически не разбирало слов общительной девушки. Зато неожиданно для себя я уловил некий телепатический позыв к сближению – будто она говорит всё это чисто из вежливости, а на самом деле мечтает о страстных объятиях.

Несколько секунд я колебался: учитывая присутствие рядом её склонного к мордобойу брата, ошибка могла обойтись дорого.

«Сейчас или никогда!» – оборвал я вялотекущий поток рассуждений, решительно приблизился к девушке и поцеловал в засос.

Последовавшей взаимности не ожидал никто: она прильнула ко мне всем телом и сжала в объятиях так, что мы потеряли равновесие и, повалившись с бревна, на котором сидели у костра, кубарем покатались куда-то в кусты, не переставая целоваться. Под шутки и всеобщий одобрительный смех.

Если бы не гогочущая толпа желающих помочь словом и делом вокруг, мы бы скорее всего перешли к сексу прямо на месте – девушка казалась достаточно смелой для этого.

Вдоволь нацеловавшись, мы отправились к ней домой с понятным намерением. Однако на пороге её поджидала мать, которая отточенным движением втащила дочь в квартиру и захлопнула передо мной дверь.

У меня остался её телефон. На следующее утро мы созвонились, и я пришёл в гости. Нам обоим было очевидно, что момент упущен – нужно было прийти в себя после попойки, а от вчерашней страсти не осталось и следа. Было даже как-то неловко. Мы сели пить чай и смотреть фотографии. А потом позвонил телефон – оказалось, что у неё есть парень. Он приехал в гости и вёл себя с ней весьма развязно – как настоящий дерзкий панк, который привык брать от жизни всё. Я чувствовал себя лахудрой на его фоне. Но девушка отвечала на его знаки внимания неохотно. Интуиция подсказывала, что сегодня она сделает выбор в пользу одного из нас, и я ввязался в негласную «битву за сердце принцессы».

Мы вместе поехали в город, опохмелились пивом, а потом переместились в гараж, на репетиционную точку, где ребята играли панк-рок. Всё это время я был пассивен и безучастен, наблюдая за тем, как активный и успешный самец пытается развеселить свою самку. Из него пёрло столько энергии, что соперничать совершенно не было желания.

Игра затягивалась, и я начинал нервничать, ожидая, что девушка каким-то образом вынесет свой «вердикт». Но когда я увидел, как слаженно они играют музыку и какой кайф ловят от этого, у меня не осталось сомнений, что это – люди из другого мира, в котором мне нет места. Я не играю на инструментах, не разделяю их образа жизни, приколов и интересов.

Наверняка девушке хотелось покинуть этот достаточно примитивный и пафосный мир, и она видела во мне надежду – это читалось в её взгляде. Но я не представлял, как это осуществить. Взять за руку и увести у парня, послав его подальше? Или плести тайную любовную интригу? А главное – зачем. Зачем она мне? Что я буду с ней потом делать, о чём говорить? Её глаза и тело говорят о многом, – она может оказаться хорошей любовницей, или даже любящей невестой, – а может просто дурой с пропитыми мозгами. Что творится в голове у этой девицы из не слишком благоприятной семьи? Куда я приведу её, если живу с родителями? Не будет ли мне перед ними стыдно? А как отреагирует её парень? Вдруг этот псих подожжёт мою квартиру?

В общем, я не верил, что мне по силам стать её «спасителем». Поэтому вежливо удалился в своё интеллектуальное одиночество.

Переломы и воспоминания

Переход к условно-взрослой жизни давался сложно. В старших классах я перенёс два перелома: руки и ноги.

Первый – когда мать настойчиво, с криками, выгнала нас с братом из дома, чтобы мы покатались на своих самодельных сноубордах, выдолбленных летом на даче из продольно распиленного бревна, пока не настала оттепель. Фактически, она уже наставляла: снег слегка подтаял, но снова замёрз, образовав ледяной наст. Движимый озлобленностью на маму, я попытался скатиться с довольно крутого склона, чтобы выпустить пар. Тяжеленный сноуборд, оклеенный снизу скотчем и обильно смазанный салом, в сочетании с плохой шнуровкой превратился на обледеневшем склоне в неуправляемый снаряд.

Всё случилось быстро: на пути попадаете бугор, сноуборд улетает в кусты на моих глазах, всё вращается... А когда вращение останавливается, я ощущаю характерную пульсирующую боль в предплечье, уже знакомую мне по перелому руки в детстве. Рука постепенно опухает – почти в том же месте, что и в первый раз. Спокойно подбираю свою доску, идём с братом домой, я еду в больницу.

Там мне вправляют смещённую кость под общим наркозом. Я отвечаю анестезиологу, что никогда не употреблял наркотиков, и он пророчит мне настоящий кайф. И не обманывает – после десятка глубоких вдохов сладкого газа я проваливаюсь в воронку из зелёных цифр а-ля Матрица и оказываюсь в каком-то месте, очень похожем на рай.

Очнулся я в прекрасном настроении, когда меня уже везли с гипсом в палату. Мне радостно и хочется петь:

– Я король дороги, я король от Бога, в Ад или Рай – сама выбирай! – затянул я пьяненьким голоском. Санитары очевидно спешили и задели койкой тумбочку соседа по палате, разбив ему кружку.

– Ой, чем же я теперь буду пить!?! – недоумевал он.

– РОтом. Гы, – отвечал я, сияющий самодовольством.

Вскоре меня «отпустило», и вечер прошёл в пошлых беседах с однопалатниками о сексуальном опыте. Я нелепо пытался соврать, будто он у меня уже был, и я давно не девственник, выдумывая сцену полового акта на ходу по мере того, как меня осыпают вопросами. В итоге мой обман легко раскрыли и посмеялись над моими наивными выдумками. Обидно – ведь я был там старшим из всех.

А ногу я сломал и вовсе нелепо: вышел из школы через окно первого этажа и приземлился на выбоину в асфальте. Два дня ходил прихрамывая и ел анальгин, полагая, что это растяжение, и оно пройдёт. На третий обратился к врачу – обнаружилась маленькая трещина в плюсневой кости. Гипс, костыли, две недели освобождения от занятий.

Вообще, переломы пришлось тогда как раз кстати. В школе царил суёт по поводу вытягивания оценок, которые войдут в аттестат. Мне она была совершенно чужда. На медаль я не претендовал, а при поступлении аттестат практически игнорировался (как раз в этом году ввели централизованное тестирование, баллы которого учитывались при поступлении).

К концу учёбы учителя в школе стали мягче. Они по-дружески давали напутствия, высказывали каждому приятные характеристики, общались с нами с глазу на глаз. У меня неожиданно обнаружились «логическое мышление» и «исполнительность».

Приятнее всего было то, что смягчился даже Death. Со временем я снова стал играть в нашем школьном «компьютерном клубе». Сперва один, на эмуляторе «PlayStation», позаимствовав у друга диск с «Tony Hawk's Pro Skateboarding». А ближе к выпуску – снова по сети, вместе со всеми. «Пожизненное» негласно простили.

Что ещё можно вспомнить о школе...

Как однажды прогулял всю продлёнку вместе с другом, а потом вернулся в класс ровно за минуту до прихода матери. Сказал оставшимся ребятам и учительнице, что прячусь от неё. А они успели показать мне разученную сценку про чебурашку.

Как учительница со злости раздолбала указку об доску, чтобы утихомирить шумных ребят, а щепка угодила в щёку мне – сидящему на первой парте тогда ещё отличнику.

Как мне показалось, что, если разбавить много заменителя сахара горячей водой – получится алкоголь; я набадьяжил двухлитровую бутылку и мы «бухали» с товарищем прямо за партами, закусывая принесённым им из дома оливье.

Как в ответ на заявление классной, что «мы этого не хотим» я съязвил: «Не хотите – или не можете?», спровоцировав её гневные крики.

Как нам раздавали растворимые шипучие витаминные таблетки для профилактики гриппа, а ребята набрали их в рты и я, зайдя в класс вместе с учителем, увидел заливающихся оранжевой пеной разгильдяев.

Как после просмотра всем классом «Войны и мира» на видеокассете сразу после титров началась эротическая сцена из записанного там до этого фильма, а мы вместе с учительницей молча смотрели ещё секунд тридцать прежде чем она улыбаясь сказала «выключай».

Как подбрасывали толпой кого-то одного высоко над землёй в воздух на переменках. Мне нравилось, ведь я был лёгким, и меня подбрасывали высоко. Но однажды не поймали.

Как я нагло катался по школьным коридорам на скейтборде. Правда недолго.

Забавным был случай, когда одноклассник Л., проходя мимо меня в коридоре, узнал, что я как раз собирался на олимпиаду по английскому языку. Парень быстро сориентировался и тоже напросился принять участие. Безо всякой подготовки он занял второе место.

А учитель труда, который заодно преподавал у нас допризывную подготовку, однажды с видом профессора завёл разговор о словообразовании матерных слов. Он пытался выяснить, сколько всё-таки существует базовых матных корней, от которых происходят все остальные слова. Насчитал пять.

В старших классах невероятной казалась способность учительницы истории видеть логические взаимосвязи между событиями. Видеть то, о чём не было прямо написано в учебнике, но что можно было разглядеть, лишь воспринимая всю картину целиком, прочувствовав происходящее. Она безуспешно пыталась научить этому нас. А поскольку меня лично история перестала интересовать уже после Древнего Мира, её способности выглядели в моих глазах чистым колдовством.

Подготовка и поступление

На мой век пришлись реформы по внедрению десятибалльной системы и централизованного тестирования. Мало кто из учителей понимал, как использовать десять баллов, и мы пытались разобраться вместе с ними, зачитывая и анализируя инструкции министерства. В них меня обескураживало, что оценки от одного до девяти выражают знание материала и умение им пользоваться, а десятку можно получить только за «творческий подход» к решению задания. Я думал, что подхожу к любым задачам творчески, но не всегда при этом в достаточной степени знаю материал, и эти категории казались мне совершенно не связанными.

Зато с тестированием всё было просто, и методичек для подготовки хватало. Главной прелестью было то, что в тесте можно было указывать варианты наугад. Ходили слухи, что кто-то просто выложил в бланке ответов слово из трёх букв и получил 80% правильных ответов.

Приближалась пора поступления в институт, и меня переполняли чувства. Ощущение жерновов огромной мясорубки, из которой не выкрутиться. По большому счёту поступать надо было главным образом чтобы откосить от армии – к ней у меня не было ни малейшего духовного и, тем более, телесного расположения.

В нашей гимназии предлагалось готовиться к поступлению по одному из трёх направлений: экономическому, юридическому и медицинскому. Ни один из вариантов мне не нравился. В итоге я выбрал экономический как компромисс: экономика – это деньги, а деньги можно преобразовать во что угодно. К тому же, при поступлении на экономиста не надо было сдавать физику, в которую я слабо врубался.

В действительности меня занимали только компьютерные игры, интернет, и как расстаться с девственностью. Но в то же время я радовался окончанию надоевшей школы и расставанию с одноклассниками, среди которых к концу учёбы у меня совсем не осталось друзей. Я возлагал на ВУЗ большие надежды. Новый коллектив – это возможность «преподнести себя» по-новому, перестать быть белой вороной, стать «крутым» в глазах новых товарищей по учёбе,

найти новых друзей и, дай-то Бог, девушку. Мне казалось, что вместе со школой уйдёт подростковая «говнистость» в общении. Что в ВУЗе всё будет по-взрослому: там не унижают друг друга за недостатки, а договариваются на взаимовыгодных принципах. К тому же я рассчитывал поступить на бюджетную форму обучения, обеспечив себя стипендией – собственными денежными средствами, которых мне уже давно не хватало. Новая степень свободы.

Однако были трудности и помимо поступления. Как раз в год окончания школы уже сточили контроль за проведением выпускных вечеров: употреблять спиртное запретили (!), а территория заведения, где проводился банкет, становилась закрытой до шести часов утра. Поэтому больше всего моих сверстников заботило, как пронести водку.

Я же не видел в выпускном ничего особенного. Мне было радостно наконец расстаться с чуждым в массе своей коллективом. До какой степени мы при этом напьёмся – не так уж важно. Ясно, что это произойдёт несмотря на все запреты. Впрочем, интересно посмотреть на наклюкавшихся учительниц.

Моё сознание будоражил миф о потере девственности на выпускном. Я заранее стал заигрывать с симпатичной мне одноклассницей Т., стройной, мягкой и немного замедленной (почти традиционный набор качеств девушек, в которых я влюблялся). Было известно, что у неё есть парень, что он старше Т. и физически сильнее меня. Но в ответ на мой дерзкий вопрос, насколько у них всё серьёзно, она ответила, что он хочет жениться, завести детей, а ей это всё пока не надо. Это был шанс!

По моей инициативе мы танцевали с Т. вальс на официальной части выпускного. И на неофициальной тоже. Но там оказалось слишком много алкоголя, громкой дискотечной музыки и негде уединиться. В этом угаре мы разминулись...

Т. рано уехала домой. Я бессмысленно слонялся и танцевал весь оставшийся вечер. А наутро, когда нас наконец выпустили из опостылевшего зала, стал проводником изрядно набравшейся учительницы английского, свидетелем её трусости и торжественного разрыва колготок в честь наступления условно-взрослой жизни.

В дальнейшем я не стал пытаться наладить отношения с Т. Некогда – на носу было централизованное тестирование и поступление.

Мать заранее отправила меня на подготовительные курсы по математике и русскому, где я практически ничему не научился: математика там была слишком сложная, а русский мы, в основном, прогугливали.

Занятия с репетитором по математике тоже не пошли мне на пользу. Изрядно потрепаный заботами рабочего дня преподаватель просто давал мне задачи из сборника, я тупил некоторое время, после чего он сам же решал их вслух.

Казалось, что я отбываю каторгу за мамины деньги, которые ей необходимо потратить. То ли для очистки совести, то ли тупо потому что все так делают. Но терпеть эту невыносимо-идиотскую и пустую трату драгоценного времени я не мог, и решительно отказался от репетитора вопреки всем уговорам.

В итоге русский удалось подтянуть с помощью маминой знакомой учительницы на пенсии. Бабушка была учителем «от бога». А математику – по моей собственной методике: тупо решая все задачи подряд из того же сборника, начиная с самых простых, тренируясь таким образом в банальной арифметике. Это позволяло быстро посчитать всё, что сходу понятно, на тестировании, а над остальным оставалось время подумать.

Правда, математику я в итоге пересдавал трижды. В последний раз – с высокой температурой и уколом от неё в ягодицу, который кое-как впендюрила мама.

С английским же всё и так было отлично – спасибо школе с «уклоном», фильмам и играм с некачественным переводом и предрасположенности, притянувшей моё внимание к англоязычной книжке про Машу и медведей в дошкольном возрасте.

Я поступал дважды. Поступление в первый, экономический, ВУЗ запомнилось долгими очередями на подачу документов, среди которых произошла последняя мимолётная встреча с бывшей одноклассницей Т., за которой я пытался «приударить» на выпускном. И тем, что около 90% поступавших туда были хорошенькими девушками.

Мне с моими баллами предложили там «полу-платное» место. Родителям это казалось неплохим вариантом, и они выразили готовность оплачивать обучение. Как-никак престижный институт, а поступление во втором потоке – рискованный шаг, ведь больше попыток не будет, и провал означает путёвку в армию на полтора года.

Но мысль о том, чтобы и дальше полностью зависеть от родителей, не имея своих финансов, была мне противна до глубины души. Я собрался с силами и решительно забрал документы с мыслью «Нет, я хочу, чтобы МНЕ платили за то, что я учусь!», отнёс их в другой, технический ВУЗ, где меня без проблем зачислили на аналогичную инженерно-экономическую специальность на бюджет.

Студенчество

Лабы и вечеринки

Мои надежды на атмосферу в студенческой среде частично оправдались. Там действительно было гораздо больше товарищества, благородства, взаимопомощи. И гораздо более здоровое чувство юмора.

У меня образовался круг знакомств – в основном частично-неформальных ребят и провинциальных девушек. В них было на порядок больше жизни, простоты и открытости. А также широта интересов и взглядов, выгодно отличавшая их в моих глазах от правильных детей большого города, у которых был уже сформировавшийся и почти закостеневший план на жизнь. К тому же, простота девушек долгое время внушала надежду потерять, наконец, девственность.

Организм тяжело адаптировался к новой среде. После первого учебного дня голова просто раскалывалась от боли. К счастью, старые неформальные друзья с гимназии пригласили меня отмечать новоселье одного из ребят. Они купили пятилитровую канистру спирта и к моему приходу уже разбавили его водой пятьдесят-на-пятьдесят, в ходе чего один из товарищей основательно надышался парами алкоголя и уже был совсем «хороший».

Я пожаловался на своё состояние, и мне со знанием дела протянули стакан:

– Пей до дна.

С каждым глотком обжигающего нутро «лекарства» я ощущал, как боль покидает голову. Когда стакан опустел, от боли не осталось и следа – ум при этом сделался ясным и предельно трезвым. Это казалось чудом.

Алкоголь вообще имел свойство открывать врата в иные миры, куда трезвому попасть невозможно.

Однажды, возвращаясь с хорошей пьянки домой, у самого входа в подъезд я вдруг подумал:

– Вот я сейчас полон сил, мне так хорошо, а я как дурак приду домой, лягу спать и утром снова проснусь «обычным». Чего ради тогда, спрашивается, я вообще пил? Нет, приключений на сегодня явно недостаточно!

С этой идеей я, шатаясь и подпирая стены, пошёл на «речку-говнотечку», как называли её местные, в надежде встретить кого-то из нашей тусовки. Но встретил в тот вечер кого угодно, кроме наших...

Я попал в совершенно незнакомый мне мир ночных алкоголиков. Сперва одежда «не по форме» поставила меня в рискованное положение, но я, преодолевая страх, знакомился и выпивал со всеми. Беседовал по душам с женщиной-психологом, с участником войны в Афганистане, а потом и с ветераном Великой Отечественной. Ходил в магазин за дешёвым вином и успокаивал приезжего мужика, которого «продинамили» девушки лёгкого поведения...

Это самый настоящий параллельный мир, который всегда был рядом, но существование которого я не замечал в силу того, что жил в других мирах: ученическом, компьютерном, студенческом.

Однако, когда мой собутыльник вдруг предложил избить одноногого калеку, чтобы отобрать у него пакет с тремя бутылками вина, я почувал, что дело приобретает дурной оборот, и стремительно удалился домой. Телепортировался в привычный мир.

Ребята в институте оказались на разных ступенях компьютерной грамотности. Программа обучения была рассчитана так, чтобы подтянуть отстающих. Для меня же многое было уже известным – это позволило немного подзаработать, делая лабораторные по C++

за деньги на первых порах. К тому же, предприимчивый одноклассник подбрасывал лёгкие заказы по Flash-баннерам и презентациям. В совокупности это было хорошим дополнением к стипендии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.